

Клепиков Дмитрий Васильевич

ТАК НАЧИНАЛИ МЫ
НА ЗЕМЛЕ ВЕРХНЕКЕТСКОЙ...

2010 год

В ТАЕЖНУЮ ГЛУШЬ

В мае 1931 года в Верхнекетский район по реке Кети в устье реки Чачамги вошли баржи. Пройдя три километра от устья, остановились - в них был живой груз под названием спецпереселенцы.

Груза было много, по неуточненным данным - от семи до девяти тысяч человек, разместили их в четырех местах по берегу реки. В то время там была густая стена смешанного, в основном лиственного леса.

Вся масса людей была с разных мест Алтайского края, в основном из степных районах. Сейчас трудно представить, каково было их состояние - из степи попасть в глухую тайгу, где непроходимый лес и тучи гнуса, и никаких средств защиты, особенно тяжело приходилось детям. Много было неполных семей - мужей арестовали еще на Алтае, выслали жен с детьми.

Немало детей и стариков умерло в пути, сначала в товарных вагонах до города Томска, а затем в трюмах барж от большой скученности, духоты, от речной некипяченой воды заболели дизентерией.

Такая повальная смертность людей продолжалась первые два-три года по приезде.

Жилищ никаких не было, строили шалаши, покрывали сверху различным тряпьем и самоткаными половиками, которые смогли привезти с собой. В самых сложных условиях человек стремится выжить, поэтому люди собрали, у кого какой был ручной инструмент, топоры, пилы, лопаты, часть выдала комендатура, приехавшая вместе с поселенцами.

Стали копать в яру землянки, женщины с детьми - одну на две-три семьи. Где были мужчины, строили небольшие избушки. Кирпича не было, печки сбивали из глины.

Опять скученность, в землянках глухой и сырой воздух несли массу смертей. Погибали не только дети и старики, но и вполне трудоспособное население. Умирали не только от голода, хотя он был жестокий, а от болезней: малярии, дизентерии, цинги, а также сырости, застойной воды, инфекций.

Комендатура выдавала для существования рабочим 200-500 граммов муки, иждивенцам - древним старикам и детям до 10 лет - 200 граммов. Кроме муки, у населения не было ничего, часто в дополнение к муке использовали опилки и гнилушки - чтобы увеличить массу. Летом стали собирать колбу, пучки, саранки, кто находил какие-либо средства, ловил рыбу. Это удавалось не всем - степные люди не умели рыбачить и не имели снастей.

Комендатура жестко требовала выполнения заданий по раскорчевке леса. Работали бригадами по десять человек, из них назначался старший, он по окончании рабочего дня отчитывался за сделанное - и определялась норма выдачи муки.

От недоедания, изнурительного труда и болезней умирали в одиночку и группами, по дороге с работы и на работе - отошел в лесу поискать пропитания, перелез через колодину и упал, не смог сразу подняться - его кончину завершил гнус.

Первые два года хоронили там, где наступала смерть, просто выкапывали неглубокую, как смогли, яму, укладывали усопшего без ритуальных приготовлений и ставили небольшой крест..

Уже в 1947 году мы пахали поле и обнаружили в кучке пять крестиков, а сколько было запахано и затоптано, никто не знает.

Это было без войны, а как на войне: за первые три-четыре года погибли тысячи человек. На похоронах не было слез и причитаний. Поселенцы говорили, что слезы начались там, на Алтае, когда их неизвестно за что выгнали с исконных мест, где проживали их деды и

прадеды; пролито много слез в пути, а теперь уже не осталось, : жалко, но господь прибрал, отмучилась или отмучился. И о детях не плакали, мол, господь прибрал, хоть не будет мучиться, как мы..

Через два года, когда тайга отступила, организовали определенное место для захоронений и назвали могилками.

Медицинского обслуживания не было, не было и медицинского работника, но комендатура располагала достаточным количеством хины – страшно горького лекарства, которое заставляли принимать при любых заболеваниях, особенно от цинги и малярии. Потом большую помощь оказывала колба, ее заготавливали как для пропитания, так и от цинги.

Сильно свирепствовала малярия, она обострялась во второй половине дня и вечером, она встряхивала человека так, что с него сваливалась одежда, которой он был накрыт, а нас, малышей, заставляли наваливаться и держать ее. Бюллетеней по болезни не существовало, было одно жесточайшее правило: кто не работает, тот пайку муки не получает. Малярия выматывала последние силы, но человек вынужден был идти на работу, она давала ему паек муки, но нередко силы оставляли его и он погибал.

Комендатура выгоняла всех, не взирая на пол и возраст, на раскорчевку тайги. Зимой валили лес, распиливали и складывали в кучи, строевой - отдельно. Весной после таяния снега и подсыхания земли пни от деревьев с помощью ваг и ручного инструмента, топоров и лопат, выкорчевывали и стаскивали в кучи и сжигали.

Летом завезли лошадей и инвентарь: плуги, бороны. Население, как могло, обрабатывало, рыхлило дерн для посадки. Комендатура завезла некоторое количество картофеля и распределила его для посева. Голодные люди (не все) не могли вытерпеть и кто частично, а кто и полностью съели семена- и опять голод, в котором можно винить их или сослаться на мучительную безысходность?

По географическому расположению все население было разделено на четыре поселка. Названия были определены заранее или придуманы с приездом поселенцев, но первый по был назван Клюквинкой, позднее здесь организовали колхоз «Победа»; второй поселок- Карасевка, колхоз «Прогресс», третий- Березовка, колхоз «Рассвет». четвертый- Озерное. Последний просуществовал пять- шесть лет: места для раскорчевки оказалось мало, а смертность поселенцев была самая высокая, и его сначала перевели в промысловую артель, а затем жителей расселили по другим поселкам. Там был близко сосновый борик, и из него срубили хорошую большую двухэтажную школу, которую затем перевезли и установили между двумя поселками. Эта школа- семилетка с полной наполняемостью действовала до организации Ингузетского леспромхоза.

Лес отступал. Примерно через четыре года построили деревенские избы, где и на две семьи, но это уже надежная крыша над головой. В поселках появились клубы, их называли избой- читальней, где население обучали грамоте и проводили культурно- массовые мероприятия.

Комендатура сначала назначала старших ответственных за работу по раскорчевкам и освоению этих площадей под пашни, на которых первой сеяли рожь, она на новых землях давала хорошие урожаи. Затем стали создавать сельхозартели, где руководитель назывался уполномоченный. С принятием устава эти артели стали именоваться колхозами во главе с председателями, который избирался колхозниками.

В поселке Березовка был колхоз «Рассвет», первым председателем- Черданцев, он работал долго, но во время войны за несвоевременную сдачу хлеба в госпоставки его арестовали, и больше он сюда не вернулся, а, может, не выжил.

Я не могу перечислить всех тружеников этого поселка, но прекрасно помню умелые руки кузнеца Красильникова А., труженицу с большой буквы Плаунову М.Г., династии Марьиных, Егоровых и труженика тыла и ветерана труда Боровикова Асея Матвеевич, он всю войну с подростками, был бригадиром по добыче рыбы. На лощатых лодках с

ручными гребями находили места для ловли рыбы, добывали неводами и сдавали государству, помогая фронту и народному хозяйству. Я кланяюсь ему, ныне умершему, за то, что он честно до конца своих дней отдавал себя сельскому хозяйству, семье и обществу. Светлая память честному труженику и товарищу Боровикову Асею Матвеевичу. В поселке Карасевка, как я уже писал, был колхоз «Прогресс». После отсева населения по смертности в первые два-три года здесь осталось мало хозяйственно зрелых мужиков. Они стали мыслить шире о будущем, не поддались обреченности, и когда появилось зерно, стали думать, как иметь свою муку.

Без проекта, сметной документации и бюрократических согласований решили закрыть речку плотиной. Разделили массу воды для получения энергии, а излишки для сброса так называли вешняки. Все это отменно получилось.

На рабочую часть воды установили большое деревянное колесо, состоящее из вала диаметром 50 сантиметров, на него были вдолблены слезы, на концах набиты из теса перегородки (плицы). Колесо было в диаметре пять метров, на плицы колеса вода падала с высоты 2,5 метра и вращала колесо. Затем с помощью деревянных передач в виде шестерен вращение подавалось наверх и крутило установленные жернова.

Устройством плотины занимались все три колхоза, и помолот зерна обеспечивались все жители.

После паводка подновляли плотину тоже сообща.

Долгие годы заведовал и следил за исправностью гидросистемы мельничных дел старичок Петин И.Е. Позднее установили трансмиссию, соединили ременной передачей с молотилкой и успешно проводили обмолот снопов хлеба. В этом поселке осталось больше людей по количеству и трудоспособности. Наряду с раскорчевкой они занимались строительством жилья для колхозников. Построили просторную контору, где кроме кабинетов был зал для собраний; детский сад, медицинский пункт, животноводческие постройки. Из производственных объектов - колхозный кирпичный (завод) сарай и круги для приготовления смеси, пригодной для производства кирпича-сырца, затем его сушили и в самодельных цехах обжигали и получали кирпич высокого качества. Всем этим производством занимался мастер Лупекин Е.

В Карасевке была частая смена руководителей колхоза. С 1937 по 1950 год до объединения колхозов за тринадцать лет пять председателей сменилось не по решению колхозных собраний, а были арестованы: Семенов И.И., Наумов И., Плотников Н., Бжицкий А., Вдовин К. За что арестовывали, не объясняли, но о судьбе некоторых стало известно по документам реабилитации, о чем остановлюсь позднее. Бригадиром тех времен были Микушин С., Фомин Я., Стеблецов И.П., у женщин - Фионова. Много было родственных деловых семей: Юговы, Растворовы, Гребенкины, Полетаевы, Соколовы, Бедаревы, Жаврины и др.

Поселок Клюквинка. Сразу по приезде ссыльных, когда люди, как смогли, разместились в палатках и землянках, на берегу реки стали строить большой просторный дом площадью более 100 квадратных метров, где в одной половине была квартира коменданта, а во второй - служебное помещение, куда комендант вызывал ссыльных для беседы или допроса. Рядом построили производственный склад, где ссыльные получали свои пайки. Близко - еще одно здание площадью 70 квадратных метров - для помощника коменданта и приезжих служащих. Так разместилась комендатура.

Комендант был начальником всех трех поселков. По Клюквинке он назначил старшим по раскряжевке и всего хозяйственного устройства энергичного 20-летнего поселенца Матвеева Степана Васильевича, затем он стал уполномоченным сельхозартели, а после принятия устава сельхозартели - председателем колхоза уже избранным тружениками колхоза «Победа». Это был умный, по-крестьянски грамотный и очень беспокойный руководитель, ругал нарушителей дисциплины, но колхозники его уважали и каждый год на общих собраниях вновь продлевали срок его руководства. Так бессменно в тяжелейшие

годы жизненных условий он проработал до 1941 года. Осенью 1941 года его арестовали (о репрессиях тех лет остановилось отдельно), после него председателем колхоза «Победа» стал тоже 20-летний Клепиков Архип Васильевич., но его в 1943 году призвали в армию, и колхоз возглавил Зыков Василий Ильич, он работал до объединения колхозов в 1950 году. В Клюквинке, как и в Карасевке, было много деловых людей, например, плотники Комиссаров М.Я., Совилов П., Ветошкин Н.Я., Сенчихин П. и другие, которые в короткое время построили деревенское жилье для колхозников. Кроме того, большой просторный зерносклад, где хранилось зерно не только колхозное, но и для госпоставок, животноводческие помещения, клуб, детясли.

По инициативе и благодаря мастерской смекалке Клепикова Я В построили большой сарай и секции для приготовления глинопесчаной смеси для производства кирпича-сырца с последующим его обжигом, он же являлся кузнецом и и мастером на все руки, удовлетворяя бытовые нужды колхозников.

В Клюквинке рядом с комендатурой построили магазин, который обслуживал все поселки. Строили его тоже сообща. Из Клюквинки - Комиссаров М.Я. и Совилов П., с Карасевки- Бедарев и Югов Марк Я..Магазин обслуживал население до времен, когда уже организовали леппромхоз и построили магазин ОРСа, а этот передали райпотребкооперации.

СНОВА РЕПРЕССИИ

1936- 38 годы были временем жестоких репрессий. Ввиду бездорожья в летнее время по реке Кети от поселка к поселку двигалась баржа, в которую собирали по разнарядке людей, а обвинения предъявлял там, в застенках, по которому кому расстрел, а кому-высылка на важные стройки того времени: Беломор – канал, Магадан, Норильск или знаменитые Соловки (Соловецкие острова)... В живых после этих строек оставались единицы.

Репрессии проходили не только по инициативе комендантов, больше- по разнарядке. Комендантами тех времен были Юрков, Гыгаев, Оплеухин, позднее- Неупокоев, Сапожников. Нельзя сказать, что они были жестокие и бесчеловечные, они выполняли заказы. Для этого нужны были помощники – стукачи-провокаторы, и они их находили или создавали. Комендант подберет более слабого духом человека, вызовет на беседу, познакомится, затем скажет, на тебя, мол, есть жалоба-донос, что ты плохо выражался о власти. Бедняга отказывается. Ему предлагают условие: или сотрудничаешь и остаешься дома, или отправляешься в Колпашевскую тюрьму. Люди, до предела запуганные, и не напрасно: кого отправляли – назад не возвращались, вынуждены были соглашаться и становились стукачами. Комендант дает задание слушать и доносить, выбирая жертву по собственному усмотрению или по указке коменданта.

Под эту разнарядку попали многие. Растворов Филипп Григорьевич – за то, что он по простоте душевной в разговоре с односельчанами в начале Отечественной войны сказал, что у немцев самолеты и другая военная техника лучше нашей. Может быть, и еще что-то придумали, но осудили по знаменитой тогда 58-ой статье на десять лет, по редкой случайности остался жив и похоронен в Карелине.

Наумов И. недолго работал председателем колхоза «Прогресс»: его арестовали без предъявления обвинения и решения колхозников. Долгое время никто не знал, за что. Лишь в 1959 году родственники прислали в адрес колхоза имени Свердлова копию документа по реабилитации, где говорилось, что гражданин Наумов И разрубил в устье реки Кети запань, в которой находилось четыре тысячи кубометров леса, и он уплыл по реке, кроме этого отравил двадцать колхозных лошадей. Тогда и сейчас ясно, что в 1937

году никаких запаней, да и леса близ реки Кети не было, а лошади если и падали, то только от изнурительного труда и бескормицы. Колхозники берегли лошадей пуще всего, ибо они были их кормильцами.

Годом раньше Наумова по неизвестной причине арестовали тоже председателя колхоза Семенова И.И., о судьбе которого неизвестно.

Колхозник колхоза «Прогресс» Бедарев Н. - хороший труженик, плотник, это он был в бригаде по строительству магазина, они его хорошо оформили из материалов того времени. Когда магазин уже работал, там продавали хлеб служащим поселка. Бедарев попросил, чтобы продали ему, но получил в ответ: колхозникам не продаем, они должны получать хлеб в колхозе. Он стал возмущаться: мы растим хлеб, сдаем в госпоставки, нам остаются только отходы, дармоеды, которые не работают, едят наш хлеб, а нам не продаете. Разговор этот слышали все в магазине, он стал известен в комендатуре, Бедарева Н. вскоре арестовали, и больше о нем вестей не было.

В колхозе «Победа» был председателем Матвеев Степан Васильевич, он проп=работал бессменно до 1941 года. Он был прекрасный крестьянин, но стал не угоден начальству за непокорный характер, его зажали между двух жерновов хозяйственных обстоятельств: с одной стороны, надо было немедленно убрать хлеб, с другой - тоже в сжатые сроки вспахать зябь. Выросший ячмень был очень низкорослый, и лобогрейкой только отсекались колосья, они не удерживались на полке лобогрейки и просыпались на землю. На поля выгоняли всех: и старого, и малого, но все колосья собирать не успевали, следом шла вспашка зяби, которую председатель остановить не мог, и часть колосьев запахивали.

Донос на неугодного последовал. Приехала комиссия, зашли на поле, вспашку приостановили. Стали по полю кидать метровую палочку. Сначала никто не понял, что это за палочка-застукалочка. Потом выяснилось, это метровая линейка, где упала - очерчивали квадрат, на нем собирали колоски, обмолачивали, взвешивали зерна, потом площадь переводили на гектар и получали вредителя колхозного строя. Здесь Матвеева С.В. не судили, угнали в Колпашево. Через полгода при усиленном ходатайстве оставшихся матери и жены пришел ответ: умер от острого воспаления аппендицита. Дата смерти - двухмесячной давности, место захоронения неизвестно.

За кражу одного мешка зерна с тока арестовали шестидесятилетнего старика Каханова А.П. и осудили на срок без права переписки. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Старший звена на рыбалке атарменного лова Осипов И. пострадал за то, что сорвало рубленный садок с рыбой, добыча уплыла, а Осипов И. «уплыл» на пять лет тюрьмы и больше в Клюквинку и колхоз не вернулся. Но это уже после жестоких репрессий, когда меньше десяти лет не давали.

За разные хозяйственные недостатки были осуждены на срок от трех до пяти лет председатель колхоза Плотников Н., бригадир Бжицкий А.К., кладовщик Парфенова, за неуплату налога - Югов Марк.

Все осужденные и отбывшие наказание обратно не возвращались. По справке освобождения устраивались на любую работу, получали временный паспорт или просто справку с места работы и прописки и тогда с поднятой головой приезжали к семье, забирали ее и увозили на новое место жительства. Многие отбывшие узники говорили: пусть отбыли срок, зато избавились от колхоза, а так и был бы там вечно с клеймом кулака.

Чтобы уйти, избавиться от колхоза, люди находили различные, даже не очень высокоморальные способы. Одиноким женщины выходили замуж не столько по любви, сколько по расчету. Такие случаи были в Усть=Озерном, Зубрекове, Максимкином Яру, Орловке, Алипке, Рыбинске

КРЕСТЬЯНСКИМИ РУКАМИ

После высокой смертности первых и последующих лет, репрессий, множества судимостей, побегов, который обычно кончались по разным причинам смертью, к началу 1940 года осталось не более двух тысяч человек населения во всех трех поселках.

За эти девять лет ценой многих тысячей жизней было освобождено от тайги, обработано, превращено в пашню 680 гектаров земли, способной в притундровой зоне земледелия, на скудных подзолистых почвах, без малейшего внесения удобрений давать приличный урожай в пределах восьми центнеров с гектара. Правда, 70 процентов урожая сдавали любимой Родине и для своих любимых солдат, ушедших на фронт.

Для сравнения: в районе лет 15 -20 назад в Палочке и Клюквинке работали механизированные мелиоративные отряды, а где освоенная земля? В Палочке на ней рос один хвощ, а в Клюквинке за два сезона пребывания оставлены котлованы, нагребенные курганы и изуродованная земля вокруг ранее освоенных крестьянами площадей.

Но вернемся к жизни переселенцев. Из полученного урожая колхозникам оставались крохи. Большую часть самого качественного зерна сдавали в госпоставки по цене одна копейка за килограмм, поэтому без слов понятно, почему колхозы были бедными, а колхозники – нищими. За несвоевременную сдачу хлеба в госпоставки карали тюрьмой, многие пострадавшие от этого упоминались. Сданное зерно никуда не увозилось до зимних дорог, только потом отправляли его на лошадях на переработку.

Количество зерна в госпоставки предьявлялось колхозам служащими, которые рассчитывали это следующим образом. После всходов, начала кущения, когда растение пойдет в трубку для будущих колосков, приезжает комиссия из района: главный агроном сельхозуправления, представитель райисполкома, остальных в комиссию наберут на месте. Они идут на поле, кидают упомянутую мной метровую палочку- застукалочку, вычерчивают квадратный метр, считают количество стебельков на нем. Палочку кидают в нескольких местах и в разных участках. Затем уже в кабинетах посчитают, сколько колосков, сколько в колоске будет зерен, определяют удельный вес зерна, все это с квадратного метра возведут в гектар и получают предполагаемый урожай.

Это делалось в основном для того, чтобы власть могла заранее знать, какое требование предьявить колхозам по госпоставкам, еще хлеб не созрел, а план уже перезрел, торопят с уборкой и сдачей зерна. С началом обмолота срочно, круглосуточно велась сушка хлеба, его подработка на ручных веялках и сдача в срок и необходимом объеме.

После сдачи в госпоставки необходимо засыпать семенной фонд для будущего урожая- сюда тоже нужно хорошо подработанное, качественное зерно. Еще предполагался небольшой страховой фонд.

Остальное оставалось колхозникам. Когда люди возмущались, что этого очень мало, им отвечали: определен был урожай, хлеба должно быть достаточно и для госпоставок, и вам. Плохо ухаживали, недобрали урожая- виноваты вы.

Кроме планов по сельскому хозяйству, колхозам давались задания по рыбодобыче. Весной устанавливали атармы. Летом на тесовых лодках с ручными веслами, гребями молодежь, девчонки и парни, в поисках рыбной удачи доплывали до Обь- Енисейского канала- и не ради экзотики, днем и ночью в глуши свирепствовал всех сортов гнус.

Я думаю, об этом хорошо помнят Лупекина Нина, Панова Зинаида Егоровна, а руководил бригадой Безгачев И. Клюквинская бригада тоже туда путешествовала с бригадиром Сенчихиным П.Я. На всех участках для контроля находились представители

гослова, одно время им был Шишкин И. В.

Колхозам в военное и послевоенное время доводился план лесозаготовок в Нибегинском леспромхозе. В зимнее время с 10- 15 ноября колхозников отправляли на сезонные лесозаготовки и до весенней распутицы- 15 апреля – для ручной валки леса и трелевки его на лошадях в пэны, то есть окучивали на лежки по 10-12 кубометров. Затем рабочие леспромхоза тракторами ЧТЗ с плитой вывозили на берег для молевого сплава.

В мою бытность работы велась на участке «96» и на вновь открывшемся Ягодном.

В 1944 году колхоз «Победа» был освобожден от заготовок в леспромхозе, ему поручили заготовку и вывозку леса для вновь планирующейся школы в райцентре (двухэтажной, где теперь музей). Собрали молодежную бригаду, в нее вошли Архипов А.И., Фролов Е., Совилова В., Королева А.- всего шесть человек. Они от улицы Калинина напрямую по тропе ходили на заготовку, которая велась в районе теперешней железнодорожной станции. Мы, Клепиков Д, Югов В. и Дудин Н. на шести лошадях на саях с подсанками по нынешней улице Свердлова через болото вывозили заготовленный лес на площадь, где сейчас музей. Для организации учета и контроля с нами был пожилой, как нам казалось в то время, 50-летний Ветошкин Никита Яковлевич. Он не только вел приемку и учет работ, но был и конюхом, следил за лошадьми, на которых мы возили лес, он же сдавал древесину представителю районо. Возили мы всю зиму до распутицы, делали по два рейса в день и укладывали в штабеля. Не знаю, хватило ли нашего леса на школу, но мы возили только строевой пяти и восьми метров длиной.

Не менее важная часть хозяйства колхозов было животноводство. Возле поселков сенокосов было мало, здесь кормов хватало только для лошадей и овцам. Весь крупный рогатый скот содержали на заимках. Клюквинский колхоз «Победа»- на Макзыре, колхоз «Прогресс»- на Жировой, колхоз «Рассвет»- на Каяксино около Алипки.

Животноводство колхозам тоже доходов не приносило, да и какой мог быть доход, если коровы от рождения и до смерти не получали никакой подкормки концентратами? Тогда и колхозники досыта самого низшего сорта хлеба не получали. Коровам только сенокоса не всегда хорошего качества и вода в проруби зимой в стужу и морозы – и все.

В летнее время все чистые места использовались под покосы, а коров пасли по лесу и другим неудобьям, где гнуса больше, чем травы.

Надои были низкие, от 700=800 литров в год, в лучшие времена- 1000-1200. Надои занижались еще тем, что нужно было содержать плановое количество коров, поэтому часто держали просто голову без молока- для плана, выбраковывать нельзя, а количество надоенного молока делилось на всех коров, в том числе и на этих, которые за год дали 500 литров. Все это знали и в колхозе, и специалисты сельхозуправления, но план превыше всего, и изменить его не имел права никто. Это сейчас рентабельность, производственная выгода, тогда был только план, а что это ущербно и убыточно для колхозников- никого не интересовало, кроме самих колхозников, поэтому они годами работали за просто так- за палочки.

Молоко сепарировали на месте, перерабатывали на масло, топили и топленным маслом сдавали в виде налога и закупа на приемный пункт маслозавода по одному рублю за килограмм, если признают хорошим качеством.

Работники животноводства, доярки, скотники, телятницы, работали годами без выходных и отпусков, за самую мизерную зарплату 30-5- копеек за один трудодень. Семейные, одинокие и молодые девушки годами жили на заимках, в поселок уйти нельзя- нет подменных, и если ей придется раз в год выбраться домой – это будет равным, как сейчас съездить на Канары.

Все это было завязано одним тугим морским узлом, который разрубить было совершенно нельзя. Коровы давали мало молока, потому что их плохо кормили; у молодняка были низкие привесы по той же причине. Во всем винили председателей

колхозов: и за слабую трудовую дисциплину, и за невыполнение планов. А какие планы? Посев, уборка и хорошие урожаи, рыбоводыча, лесозаготовки- это стратегическое задание государства, и что бы не выполнил- за все тюрьма, а что остается коровам? Сено, которое накосят вручную, солома и вода- в этом вся их беда.

Оказывать помощь в заготовке кормов и уборке урожая стали только после объединения колхозов в 1950 году, когда в период реорганизации колхозники разбежались и стало не только некому сено косить, но и коров доить .

Если посмотреть, почему колхозы обезлюдели, то причин много.

1. Великая смертность, которая унесла тысячи человеческих жизней, большинство трудоспособнейшего крестьянства.

2. Сколько может человек работать по 10 часов в колхозе, получая за год меньше, чем сейчас минимальная пенсия 3-4 тысячи рублей в месяц? Поэтому люди всеми способами , в том числе и теми, о которых я упоминал раньше, и даже ценой собственной жизни бежали, только бы избавиться от колхозного «счастья».

Тяготы колхозника заключались еще в том, что на доход, полученный из колхоза, он не проживет, тем более, не обеспечит семьи. Он вынужден, хотя тоже очень трудно, держать корову, сажать картошку. Заготовить сена для коровы колхозник не мог, не разрешали до тех пор, пока не будет выполнен план заготовки кормов для колхозного стада.

Я проработал в колхозе более 20 лет и не помню, чтобы этот план выполнялся из-за нехватки рабочих рук, сено заготавливали подростки ручными косами и граблями. До 1950 года накосить себе сена даже воз не разрешали, отбирали с пристрастием. Коров кормили только соломой, выданной на трудодни, а с нее , бедной, надо было накопить и сдать 12,5 килограмма топленого масла и 48 килограммов мяса, имеешь овцу- сдай полторы шкуры, а как это сделать- гадай сам.

Еще колхозник облагался сельхозналогом в денежном выражении.

В военное время и позднее был госзаем: рабочие подписывались на месячный заработок, и его высчитывали в течение десяти месяцев. а колхозников заставляли подписаться на сумму, равную годовому заработку. Вызовут в контору и держат по целой ночи, пока не подпишет, а отдать обязан в течение месяца. Обычно это происходило в мае- у колхозника и картошка на исходе, и другого ничего нет , а через месяц уже требуют с пристрастием: подписал –отдай или не хочешь помогать любимой родине и фронту?

Сейчас кажется невероятным, но это было, и люди моего возраста прекрасно помнят. Это забыть нельзя.

В июне 1950 года вышло постановление правительства об укрупнении колхозов путем соединения нескольких в один. Оно было вынужденным, потому что стало некому пахать, сеять и даже коров доить. Из трех колхозов организовали укрупненный и назвали его имени Свердлова.

К этому времени в колхозах активно трудоспособных людей остались единицы. Для поддержания колхозов на плаву опять стали присылать подневольных выгнанных с Западной Украины поляков, немцев с Поволжья, жителей прибалтийских республик и Грузии- разных национальностей, кроме грузин. Они увеличили количественный состав колхозников, но это подневольная рабочая сила, и работали они как невольники, что в сельском хозяйстве недопустимо. Комендант на слабую трудовую дисциплину не реагировал, для него главное- чтобы все были на месте. Люди же никак не могли понять, как можно, работая, не получать за труд, колхозные палочки их никак не устраивали, а колхоз- их отношение к труду.

После объединения колхозов власть решила укрепить кадровую систему руководства. В наш колхоз имени Свердлова уговорили, пообещав всяческую поддержку из района и платить за работу в колхозе уже не трудоднями, а зарплату деньгами за счет казны

колхоза, Савченко М.Р. Он хорошо зарекомендовал себя в промысловом хозяйстве заготконторы среди промысловиков в центре Орловка и Максимкин Яр. Но одно шкурки принимать и считать, а другое дело - поле пахать и коров доить. От обещаний районного руководства ничего не осталось. Поэтому Савченко никаких революционных изменений в жизнь колхоза и колхозников не внес, да и что он мог сделать с подневольным быдло? Старые люди, которые еще остались, больше его знали, а эти невольники - им терять нечего, они отбывали время, работать бесплатно не привыкли.

Успехов Савченко М.Р. не добился, а на следующий год в марте был организован общий воскресник родителей и населения по заготовке дров для школы. В нем участвовала и жена Савченко М.Р., и по роковой случайности ее настигла трагическая смерть. После этого несчастья Савченко М.Р. взял отпуск, а меня оставил исполнять обязанности. Отпуск у него затянулся, потом он взял бюллетень и больше в колхоз имени Свердлова не вернулся.

Больше из района завербовать никого не смогли, и по решению собрания колхозников меня избрали председателем, за трудодни. Экономическое состояние колхоза было очень тяжелое, а положение его членов - нищенское. Старые кадры, которые сохранились, особенно в животноводстве - доярки, скотники, обслуживающий персонал - по традиции считали, что животные не виноваты, и к работе относились очень добросовестно и ответственно - не из чувства патриотизма, а просто по крестьянской совести. Но этот кадровый ресурс сокращался, многие изнашивались и состарились в этом тяжком труде, а найти замену из молодых было невозможно, не хотели испытывать колхозного «счастья», как их родители. Стали больше тяготеть к образованию и искать оплачиваемый труд деньгами, а не палочками.

После ухода Савченко я проработал около двух лет, успехов не добился, районное руководство ругало за мягкотелое отношение к нарушителям трудовой дисциплины, производственные недостатки, на просьбу заменить отвечали отказом. Получалось: работаешь плохо, а заменить некем?

Потом нашелся человек - Щербачев Тимофей Алексеевич, он работал вторым секретарем райкома, он мне предложил выход: езжай учиться на агронома на три года, за это время, возможно, что-то изменится к лучшему, семье мы поможем. Так в октябре 1953 года я оказался в Томской сельскохозяйственной школе по подготовке председателей колхозов, по окончании выдавали дипломы младших агрономов. Закончил учебу в 1956 году с красным дипломом, там никто меня не ругал за неуспеваемость, ставили в пример.

В период моей учебы председателем колхоза работал по направлению райкома партии Мурзин С.С., трудился добросовестно, но изменений к улучшению не наступило, да их и не могло быть при такой экономической и политической обстановке и отношению к сельскому хозяйству. К тому же северный климат, скудные подзолистые почвы, десятки лет без удобрений - говорить без урожайности просто глупо, а нет урожая - колхозник без хлеба, скот без корма.

После учебы мне снова предложили работу председателя, и отказаться уже не мог: мы тебя учили. Все было, как и прежде: кадровая беда - нет доярок, поярок, другие хозяйственные недостатки.

Так продолжалось до марта 1960 года, когда однажды, зайдя в управление сельского хозяйства, услышал новость. Главный зоотехник с великой радостью говорит:

- Дмитрий Васильевич, все, колхозов у нас больше не будет!

Он был хорошим специалистом и человеком, понимал, что сколько из пустого ведра в порожнее воду не переливай - ее больше не будет, это реалии жизни.

Когда власть убедилась, что колхозники больше работать бесплатно не намерены и колхозам грозит крах, в марте 1960 года эти предприятия прекратили свое

существование, а на базе колхоза имени Свердлова был образован совхоз «Белоярский», он объединил и колхозы п. Палочки и Полуденовки. Совхоз был не государственный, а в ведении облУРСа (областного управления рабочего снабжения). Сказать, что что-то заметно изменилось, нельзя, потому что основные средства производства остались прежними. Изменилась система оплаты, ввели денежную оплату, и колхозники почувствовали себя гражданами, а не подневольным быдло.

После реорганизации экономическое состояние предприятия не улучшилось, скорее, наоборот, потому что колхозники работали почти бесплатно, а теперь надо платить, а так как доходы не увеличились, расходы легли на плечи обл УРСа, Руководство быстро почувствовало, что содержать совхоз накладно, и стало помаленьку от него избавляться. Постепенно добилось своего, оставив за собой небольшое подсобное хозяйство: свинарник на 10-12 свиноматок, а крупный рогатый скот и вск остальное перешло совхозу государственной системы.

Так в 1971 году в Клюквинке появился совхоз «Клюквенный». Государство стало выделять большие деньги на приобретение сельскохозяйственной техники для заготовки кормов. Конечно, положение улучшилось, укомплектовался кадровый состав в животноводстве и механизаторов. Но затраты на производство продукции были очень высокими, например, на производство одного литра молока затрат было в пять раз больше стоимости продукта, по мясу - в восемь раз. Все это покрывалось дотациями, выделяемыми государством. В 1990 году, как только государство прекратило давать дотации, совхоз в течение двух лет прекратил свое существование, хотя у него ничего не отняли: ни технику, ни скот, ни помещения, ни землю.

Я не хочу унижать заслуги рабочих совхоза и его руководства, просто сельское хозяйство затратно вообще, оно очень зависит от почвенных и климатических условий, а в наших северных широтах - тем более:

Еще хочу, чтобы читатель вдруг представил, как люди в течение 29 лет с 1931 года по 1960-ый без дотаций и помощи государства могли сеять хлеб, кормить скот и в военное время еще сдавать хлеб в госпоставки и мясо по налогу и закупу по ничтожно низким ценам ... После этого что оставалось крестьянину? Поэтому возникает вопрос, кто они, эти колхозники? Какая внутренняя сила двигала ими? Чтобы их понять, надо вернуться к истокам крестьянской жизни дореволюционного и советского периода до 1930 года.

ОТВЕТСТВЕННЫ ПЕРЕД ЗЕМЛЕЙ

Крестьянам государство в разное время и на разных условиях даровало клочки земли и больше ничего: вот земля, хозяйствуйте и живите, кто как сможет, никаких дотаций, наоборот, люди за землю платили подать. Можно ли их считать богатыми? Продуктов питания своего хозяйственного производства было достаточно, если умело вел хозяйство, а денег у них не было. Крестьянин работал год, осенью собирал урожай, забивал лишнюю скотину, все излишки вез на Алтае в Бийск и Барнаул.

Россия была аграрна, сел в округе много, а города еще были не многолюдны, и осенью как нагрянут селяне со своей продукцией - радуются глаза и разбегаются от избытка и качества, выбирай, что душе угодно, но ведь рынок и горожане прекрасно знали, что крестьянин обратно свой продукт не повезет, и выжидали, когда он вынужденно сбавит цену.

Вот в этом и был паритет цен.

Крестьянин продавал свои продукты, здесь же приобретал необходимый для хозяйства инвентарь, кое-какие обновки для домашних. Если он купит для уважаемой невестки кашемировое платье или юбку, считай, что одарил ее на два поколения. Часто так и было:

откроет бабушка свой заветный сундук и сделает внучке к великому празднику или к свадьбе подарок и накажет- бережно носи, небось, и твоим детям сгодится..

Если отец купит сыну хромовые сапоги- то это тоже на два поколения.

Все деньги, вырученные от продажи, хранились только у отца, даже когда в доме было по одному или два женатых сына. Денег в хозяйстве было мало, и расходовали их до скупости экономно. Вся рабочая и домашняя одежда у крестьян была самотканная, льняная, ситцевое платье со цветочками надевали только в воскресенье посидеть за чаем и сходить в церковь. Вот и вся крестьянско- кулацкая жизнь.

Я помню разговор о прошлой жизни с колхозником Малютиним И.П. Он вспоминал: вот, бывалыча, отправляет отец на пашню за пять-семь километров. Мать положит в котомку две-три буханки хлеба (показывает с маленькое колесо) и два шмата сала (показывает в величину своей большой ладони в три пальца толщиной), квасу- и что было не пахать, хоть самого запрягай в плуг. И завершил: вот это была жизнь!

У кого был только один сын, нанимали работников со стороны- на тех же условиях: обед за одним столом, деньгами не платили, их у самих не было, а наделяли продуктами. Вот этих работников и стали называть батраками, они-то и не знали, кто они, но при раскулачивании их спрашивали: «Работал у Петрова, Иванова?» - «Работал».- «Платили деньги?» - «Нет, давал продукт».- «Значит, ты у него батрачил, он тебя эксплуатировал. Его надо в тайгу, а тебя на его место».

Вот и пригнали сюда в тайгу крестьян- кулаков. Власть, возможно, думала, что они все здесь найдут смерть, но они через большие потери родных выжили и стали стремиться к жизни. Надеялись, вот отвоюем у тайги землю, и она нас не обидит, а остальное приложится. Они не рассчитывали на помощь от государства, думали, что своим трудом добьются крестьянского достатка, земля их накормит, а о деньгах и не мечтали, их и на Алтае у них было немного.

Я вспомнил одного крестьянина, колхозника, уже здесь, в Клюквинке. К работе, а особенно к хлебу, относился с неменьшим вниманием и заботой, как к своему из прежней жизни. Мы, ребята по 16-17 лет, пахали поле под зябь, примерно за час до заката солнца норму выполнили с лихвой, все измерили шагами, чтоб без ошибок. Выпрягли лошадей, сели верхом и поехали. По дороге домой увидели, что старый колхозник Ветошкин Никита Яковлевич с двумя пожилыми женщинами и несколькими подростками школьного возраста скирдовали пшеницу, то есть снопы из кучек (суслонов) свозили к скирде, женщина с повозок подавала снопы на скирду, а Ветошкин их укладывал в нужном порядке. Им оставалось закончить скирду, доложить шатер (крышу)- это самое ответственное дело, снопы должны быть уложены с уклоном и плотно, чтобы никакой дождь не промочил.. Работники его устали, и он понимал, если мы проедем- ребята тоже бросят, какой спрос с малолеток?

Когда мы поравнялись с Ветошкиным, он нас остановил:

-Ребята, посмотрите, солнышко еще светит, а вы уже домой собрались.

-Мы норму вспахали, и кони устали.

-Мы тоже устали, посмотрите, женщинам как тяжело, целый день снопы кидают, а у них еще дома хозяйство, дети, а что взять с малолеток? Вы уедите - они тоже бросят, а что будет с незавершенной скирдой? Вдруг дождь- хлеб погибнет. Спутайте лошадок, они никуда не уйдут, помогите бедным бабам, и мы к закату завершим скирду.

Мы посидели, покрутили головами, а послушаться старого колхозника не посмели. Скирду мы к закату солнца закончили, шатер Ветошкин завершил, нас он поблагодарил, и мы все поехали домой.

Суть поступка и действия заключалась в том, а что этому старому колхознику надо, ведь он лучше нас понимал, что из хлеба с этой скирды ему достанутся крохи, если достанутся, а он с таким старанием защищает эту скирду от непогоды! Это не патриотизм, это эталон

чистой крестьянской души, как в песне поется, «хлеб - всему голова», его надо беречь и относиться с душой и любовью!

Это не единственный случай хозяйственных поступков старых крестьян. Они, несмотря на униженные и оскорбленные души, не оплачиваемый по достоинству труд, а чаще вообще не оплаченный, все равно старались колхозную работу сделать качественно, с чувством крестьянского долга. Поэтому я считаю своим долгом назвать тех, кто создал и осуществил жизнь поселков Клюквинского куста, места, где я вырос среди этих добрых и мудрых людей, воспитывался, да и успел состариться, но их не забыл.

Вот одна из таких личностей- женщина, из тех, о ком слагают былины – «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Это Колесникова Александра Терентьевна. Она работала на раскорчевке, была одной из проворных и смекалистых, как лучше спилить пень. Когда строили избы для колхозников, она наравне с мужиками работала на строительстве, не хуже их вырубала паз в бревне и угол, но у нее еще было больше женской логики и смекалки, как удачней выполнить работу.

Но судьба не пощадила ее и распорядилась по- своему: сначала ушел преждевременно муж, человек он был впечатлительный, колхозные порядки не нравились, впал в депрессию и справиться с ней не смог. Через пару лет заболел сын воспалением легких, врачебной квалифицированной помощи не было, и он в 15-летнем возрасте умер, это мать сильно подрубило, но у нее остались еще две дочери и сын, надо им помогать, и она крепилась. Дочери, повзрослев, вышли замуж не за клюквинских и уехали, младший сын учился в профучилище лесного направления и стал работать в Могочинском лесозаводе. Тяжелый труд и семейные утраты сломили ее былую удаль и волку, она не смогла работать, и ее сын увез к себе из Клюквинки. Пенсии она не заработала, невестке она, старая развалина без гроша в кармане, только обуза. А каково самой-то когда-то волевой женщине превратиться в приживалку, сделай, что скажут, возьми, что дадут? Так и доживала в прошлом сильная женщина, оскорбленной, униженной, без средств к существованию, в великой скорби и печали на свою женскую долю и судьбу.

Еще яркая личность этого времени- Ошлыков Иван Иванович. Еще перед войной все три колхоза по заданию властей в Клюквинке сообща строили стотонный деревянный паузок, Иван Иванович на лошадях возил лес на его строительство. В сентябре 1942 года его и еще нескольких мужиков срочно открепили от комендатуры и призвали в армию. Вернулся он в 1946 году к семье и стал работать бригадиром- полеводом в колхозе «Прогресс», а после объединения колхоз он стал бригадиром колхоза имени Свердлова.. Он был бессменным, отличался психологической выдержкой, внешним спокойствием, не повышал голос, не сквернословил, но умел убедить человека в любых непростых условиях колхозного быта и всегда добивался желаемого или необходимого за счет большого к себе уважения; ему нагрубить или отказать было просто невозможно. Такой светлой, мудрой и честной души был гражданин, товарищ и друг Иван Иванович - светлая ему память!

Они с женой Верой Ивановной вырастили семь детей, сумели воспитать в них трудолюбие, и их заботы оправдались. Их дети получили образование, добились места в жизни и являются достойными своих родителей.

В Клюквинке незаменимым человеком для колхоза и колхозников был Клепиков Яков Васильевич. Он с 12 лет еще на Алтае помогал отцу и учился у него кузнечному, жестяному мастерству, так как отец был известным мастером кузнечных дел на несколько деревень, бессменным и единственным, в том числе и по горячей сварке. Зимой Яков Васильевич занимался ремонтом сельхозинвентаря и машин, летом – производством и обжигом кирпича и при необходимости - кузнечными делами, осенью – заготовкой древесины и обжигом древесного угля для кузницы. В довоенное время и после войны при необходимости занимался отливом алюминиевых ложек, они пользовались большим спросом.

Осенью 1942 года его призвали в армию, где получил ранение в ногу, но воевал до конца войны. В 1946 году вернулся домой в Ключевинку и опять занялся кузнечным ремеслом. К нему из соседних промысловых деревень приходили охотники, заказывали железные печки и охотничьи ножи, которые пользовались большим спросом, даже эвенки в марте приезжали в Тигин бор для отстрела лосей и тоже делали заказы. После 1950 года он ушел из колхоза, конечно, без документов, вернулся в Алтай, но там тоже колхозные беды, и он приехал в Колпашево, где стал работать кузнецом на Колпашевской ТЭС.

От тягот трудовой и армейской жизни потерял здоровье и зрение от кузнечного горна, в возрасте 65 лет ушел на пенсию по неполному трудовому стажу, хотя только в кузнице отработал около 40 лет, но беда – колхозный стаж с производственным не совместишь. Таковы законы.

Нельзя не остановиться и не написать о многолетней колхозной семье Гребенкиных Артема и Марины. По прибытии они работали на раскорчевке и разных колхозных работах, в 1942 году Артема призвали в армию, в 1944 по ранению был госпитализирован и после лечения был направлен в город Харьков на военный завод охранником. Жена Марина во время войны работала дояркой на Жировой за 45 километров от дома и семью, детей оставляла на попечение бабушки.

Отец семейства Артем Д. из армии демобилизовался в 1946 году, работал на всех колхозных работах, в основном в животноводстве, скотником, летом с Лупекиным Ф.Е. пасли колхозное стадо дойных коров. Марина работала свинаркой и на других хозяйственных работах, с небольшими перерывами по уходу за малыши детьми, которых в их семействе было семеро, а на уход за ребенком давали не более двух – трех месяцев, тогда декретных отпусков не было, было одно – надо работать. Так в постоянном труде и заботах Артем и Марина воспитали семерых детей, приучая их к трудолюбию.

Артема и Марины теперь нет в живых, пусть им земля будет пухом, но их дети сейчас являются примером в быту и уважаемыми людьми в обществе.

Не могу не рассказать еще об одном человеке - незаметном, немногословном, но трудолюбивом, специалисте плотницких и отделочных работ Колесникове Иване Романовиче. Его вместе с двумя родственниками из Колесниковых в 1930 году арестовали и увезли в город Барнаул, как стало известно позднее, тех двоих через десять дней расстреляли, а его отправили на «комсомольскую» стройку Беломор – Канала, ему счастье улыбнулось, он там не погиб, как многие, и даже через пять лет освободился, и его направили по месту жительства – в Алтай. Когда приехал, узнал, что семья, жена с детьми, сосланы, примерный адрес был известен. Так он добровольцем прибыл в Ключевинку, здесь надо было явиться в комендатуру. Комендант проверил документы, сказал, где семья, документы забрал – и крышка выезда отсюда захлопнулась, и Иван Романович стал колхозником.

Так как он был хорошим специалистом плотницких дел, по его руководством в колхозе «Прогресс» были построены хорошие здания конторы, детсада, склады для зернохранения и многое другое. Ивана Романовича как хорошего специалиста направили в Максимкин Яр для строительства музея Я.М.Свердлова. Так он проработал на колхозных стройках до преклонного возраста, заболел, долго болел. За свой долголетний, безупречный труд получил от государства пенсию сначала восемь рублей, потом - двенадцать, под конец увеличили до 20 рублей. Когда оправился от болезни, леспромхозовское начальство попросило его поработать сторожем в ночное время на нижнем складе – он был рядом с его домом. Иван Романович согласился :

- Я все равно ночами не могу спать.

Прошел месяц, мастер принес ему зарплату, чему Колесников очень удивился:

-Как так? Я ничего не делал, а ты выдаешь столько денег! Я в колхозе горбатился плотником, а и за год столько не получал!

Хотя оклад сторожа был невелик.

15

Вот в таких достатках жили колхозники не год – два, а долгих 30 лет до совхоза.

Хочу еще рассказать об одной одинокой женщине – матери двоих детей – Юговой Дарье Свиридовне. Ее мужа арестовали на Алтае. Первые года, как все, работала на раскорчевке и других хозяйственных работах. Когда в колхозе стало больше коров, ее поставили ухаживать за самыми маленькими телятами от рождения до двухмесячного возраста. Она с такой любовью к ним относилась, что во время массового отела оставалась ночевать в телятнике у печки, которая там была для обогрева. Заведующий фермой отправлял ее домой, но она не соглашалась:

-Вдруг с ними ночью что-нибудь случится? Я не могу их оставить без присмотра.

В помещении телятника у нее была идеальная чистота, клетки побелены, проход отмывала до уровня хорошего домашнего быта.

Ее труд был замечен районным руководителем, и ее направили делегатом съезда колхозников в город Москву. Перед отъездом ее в районе одели в достойную делегата одежду, так как у нее, конечно, ничего не было, чтобы выглядеть прилично. Так колхозница побывала в Москве на съезде.

Вот так старые крестьяне бесплатно, не жалея сил и времени, преодолевая трудности, отдавали свою крестьянскую любовь к животным.

Еще много было в колхозе женщин, и одиноких, и с детьми, но все они работали наравне с мужиками в поле и в животноводстве. Однако кроме колхозной работы на них лежали тяготы семейного хозяйства. Ранее упомянутая мной Плаунова М.Г., одинокая, с двумя детьми, она и в поле, и дома - кругом одна, но дом и хозяйство содержала в образцовом состоянии.

Гребенкина Д.Я. имела двоих детей, трудилась на всех работах в колхозе, а детей выучить высокой грамоте не смогла, она дочь Зинаиду И. с 14 лет учила мастерству доярки, и та до пенсии ею проработала, получая неоднократные поощрения.

Боровикова А.А., жена Асея Матвеевича, большую часть трудовой деятельности проработала на ферме дояркой, телятницей, имея дома хозяйство и шестерых детей.

Харина Ульяна Яковлевна, семейная женщина, мать семерых детей, успевала и в поле, и дома. Я четыре года убирал хлеб на лобогрейке, она была вязальщицей, и я не помню, чтобы она не успела связать снопы к тому времени, когда я подъеду по второму кругу, хотя это не всем удавалось.

Было много случаев, когда одинокая женщина, чтобы уйти на работу и заработать себе и ребенку какое – то пропитание, привязывала его за ногу к ножке стола и уходила. Трудно сказать и осознать, как эти женщины успевали отработать в поле, управиться дома по хозяйству, присмотреть за детьми... Где они брали столько сил и энергии? Этому можно удивляться, и я от всей души хочу сказать: светлая память вам, дорогие женщины!

Много сделано в колхозной жизни Лупекиным Ф.Е. и его женой Прасковьей. Не было, наверное, работ в колхозе, которые бы обошли их стороной, они все умели и все выполняли добросовестно. Прасковья во время войны на лошади возила лес в Нибегинском леспромхозе, работая на сезонных работах от колхоза. Они вырастили и воспитали трех сыновей, которые, живя в Клюквинке, являются образцом трудолюбия.

С малой грамотой, но большой крестьянской смекалкой и практикой отличался Гребенкин Иван Денисович; он не менее 30 лет проработал ветеринарным фельдшером, не кончая учебных заведений, но справлялся с работой, в войну заведовал районной ветлечебницей в поселке нет хозяйства, содержащего скот откуда бы люди обращались к нему за помощью и получили отказ, помогал в любой день и в любое время суток.

Заканчиваю свое письмо, а именно это не художественные придумки, а письмо крестьянина – колхозника, прожившего на этой клюквинской сибирской земле восемьдесят лет и испытавшего все лихолетие горького бытия.. Даже мне, пережившему все это, сейчас трудно представить, как эти люди, мной упомянутые и неупомянутые, в течение 30 лет, работая по 12 часов без достойной оплаты, выживали? Человек на

колхозные доходы не мог прокормить себя, если он где-то на полевых работах пользовался обедами из колхозных продуктов, то в конце года оставался должен. Несмотря на это, старые колхозники – кулаки к работе относились ответственно, по – хозяйски по старой привычке, и если бы их не разорили из старого гнезда, я думаю, никакой карточной системы не было бы в войну и после. Еще хочу отметить, что эти старые крестьяне, отработав в колхозе 20 -30 лет и осознав, что здесь хорошего до смерти не заработаешь, разными путями уходили из колхоза без документов в возрасте 40-50 лет, и они уже не имели возможности выработать полный стаж. Здоровье и силы оставив в колхозе, не могли выполнять более оплачиваемую работу и под старость лет, отработав по 40 и более лет, остались на минимальных пенсиях как неполноценные. А это была элита трудового крестьянства.

Когда началась война, мужчин с клеймом кулака или сына кулака в армию не брали, но в 1942 году выборочно открепили от комендатуры и призвали в основном мужчин старшего возраста, а уже в 1943 году призвали весь возрастной состав, и не ошиблись, среди них не было дезертиров, предателей и трусов, многие из них состояли в сибирских гвардейских дивизионах, и все, кто остался в живых в этой жестокой войне, вернулись достойными солдатами с орденами и медалями, а кому судьба уготовила место остаться на полях войны, они и умереть сумели достойно, с оружием в руках, с честью гвардейца солдата-сибиряка!

В заключение хочу сказать, что эти поля, огороды и улицы, по которым мы ходим, обильно политы потом, слезами, а местами и устланы трупами ради жизни на земле будущих поколений, которыми являемся. Я от имени старшего поколения прошу властные структуры всех уровней, депутатов, которых мы избираем, найти в своих сердцах место для долга, чести и совести перед старшим поколением, отдавшим свой труд, здоровье и жизни ради будущих поколений на Клоквинской земле, в знак памяти установить памятник на этой земле, их земле. За счет средств, которые взимаются за аренду земли, раскорчеванную и освоенную их руками.

30 апреля 2010 года.

Д.В.Клепиков,

ветеран труда, труженик тыла, крестьянин – колхозник.